

ВЕКТОРЫ И ТРАЕКТОРИИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

УДК 316.4.051; 316.73

Исследование префигуративных аспектов современного детства

А. А. Бесчасная

Северо-Западный институт управления —
филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы,
Российская Федерация, 199178, Санкт-Петербург, Средний пр. В. О., 57/43

Для цитирования: *Бесчасная А. А.* Исследование префигуративных аспектов современного детства // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2019. Т. 12. Вып. 4. С. 297–316. <https://doi.org/10.21638/spbu12.2019.401>

В статье анализируется современное детство в контексте перемен, наблюдаемых во всех сферах жизни общества, и с позиций того, что уже в настоящем дети выступают в роли субъектов, конструирующих будущее. Поэтому, кроме направления изменений, необходимо принимать во внимание и специфику субъектов, участвующих в реализации. Роль детей и значение отношения к детям в формировании перспектив будущего отражены в ряде теорий, одна из которых — о трех типах культур — принадлежит М. Мид. В данной статье автор предпринимает попытку определения контуров современного детства в контексте префигуративности. С этой целью проведен аналитический обзор особенностей поколения Z и жизни современных детей в условиях обновленной социокультурной среды. В качестве информационной базы теоретической рефлексии выступили результаты исследований и мониторинга жизни современных детей. Анализ данных показал, что восприимчивость детей к освоению и использованию электронно-цифровых новинок и технологий и их «опциональная» атрибутивность в повседневной жизни обуславливают проявление префигуративных характеристик в современном обществе. Они выражаются в трансформации особенностей основных видов деятельности детей; опережающем освоении технологических новинок «мира цифры»; беспрепятственном преодолении пространственно-временных дистанций в виртуальной реальности и актуализации текущего момента «здесь и сейчас»; расширении коммуникационного поля; снятии психологических и языковых барьеров благодаря опосредованности отношений и созданию новых коммуникационных средств; структурировании общества по новым основаниям. Исследование показывает, что характеристики современного детства обусловлены заинтересованностью общества в инновациях, поскольку информационные технологии, как и новшества предыдущих

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2019

эпох, обеспечивают информированность, алгоритмичность, доступность и скорость протекания социальных процессов и отношений.

Ключевые слова: дети, детство, префигуративная культура, электронно-цифровая среда, информационные технологии, будущее.

Введение

Дети — это активные участники социально-экономической и социально-политической жизни общества, его эпохальных событий. Они выступают носителями определенной поколенческой экзистенции и трансляторами актуальной культуры, оказывая таким образом в будущем, уже в роли взрослых, моделирующее воздействие на детей следующего поколения. Один из способов осмысления направления изменений в настоящем и будущем общества — это изучение современных детей как участников настоящей и будущей социальной реальности и социального взаимодействия.

История и направление культурного развития обществ движутся по траектории укрепления правового и социального статуса детей, который позволяет им быть деятельными участниками общественной жизни и занимать позиции равноправных участников экономической, образовательной, культурной жизни. В связи с этим возникает необходимость учета особенностей современных детей в социальном взаимодействии с целью построения позитивных и перспективных для общества отношений. Поэтому исследовательский замысел автора статьи основывается на определении специфики современного детства в контексте векторов социальных изменений.

Методология исследования

Проведенное исследование носит теоретико-прикладной характер. На это указывает, во-первых, доминирование и углубление теоретического знания о социальном феномене детства и, во-вторых, востребованность объяснения текущих социальных процессов и построения прогнозов развития общества, в которых все более значимое место занимают дети и проблематика детства. Методология изучения строится на дедуктивно-индуктивной логике исследования [1, с. 47–48]. Теоретический анализ основывается на рефлексии обобщающих положений теории М. Мид о сменяющих друг друга типах культур как основы для дедуктивных допущений обнаружения префигуративных признаков в современной социальной реальности. Выделенные в результате анализа характеристики типов культур (табл.) послужили тактическими шагами в поиске эмпирического контента. Это очевидно наблюдаемые свидетельства: социальные практики детей, факторы, их трансформирующие и проводящие дифференциацию в среде детей, а также формирующие обновленную социализирующую среду, особенности коммуникации детей и средств, используемых для этого. Эмпирическая часть исследовательской работы строилась на индуктивном анализе фактографических данных, почерпнутых из многочисленных печатных и интернет-источников, посвященных описанию жизни современных детей. Они составили основу вторичного анализа. Сочетание в документальных источниках количественно-качественной информации,

описывающей детство в современном мире, обусловило интерпретативный характер анализа с целью выявления динамики социальных изменений в жизни детей [2, с. 570].

Важным методологическим замечанием в описании современного детства является признание его «множественности». Неравномерность развития создает мозаичную картину детства в мировом и страновом измерениях, внутри которой формируются доминирующие тенденции. Сама история создания и признания теории М. Мид (первая половина XX в.) свидетельствует о многообразии семейных и социализирующих практик и невозможности помещения их в определенные изолированные конструкции. Аналогично безуспешной будет попытка построения одной модели детства, охватывающей всю жизнь российских детей, по причине территориального, регионального, национального и конфессионального разнообразия, а также в связи с разной степенью вовлеченности детей, семей и мест их проживания в урбанистический мейнстрим и глобальные тенденции.

Детство формирует будущее: префигуративный взгляд

Общепризнано, что детство как социальный феномен и положение детей в социуме детерминированы уровнем цивилизационного развития общества. И наоборот, уровень общественного развития «программируется» в детстве. Идеи взаимозависимости детства и общества, подвижности социальных позиций и самочувствия детства представлены в ряде теорий. Вглядываясь в будущее, создавая планы действий и стратегии развития, современное общество ориентируется на необходимость формирования диалога и сотрудничества с детьми. Перспективность подобного подхода вывел еще Э. Фромм в работе «Анатомия человеческой деструктивности» [3, с. 148–150]. Он выделил три системы А, В и С — жизнеутверждающее, недеструктивное и деструктивное общества соответственно. Жизнеутверждающее общество отличается дружелюбием, кооперацией и сотрудничеством, в том числе и с детьми. Все это отсутствует в других культурах, которые отличаются эффектом саморазрушения.

На детерминирующий характер отношений к детям в формировании трендов развития общества указывал Л. Демоз. Он сформулировал психогенную теорию общества, согласно которой социальный прогресс зависит от стилей воспитания детей, в основе которых лежат проективные и возвратные реакции взрослых, рассматриваемые в контексте психоанализа. Л. Демоз выделил шесть стилей воспитания, характеризующих положение ребенка в обществе: стиль детоубийства, оставляющий стиль, амбивалентный стиль, навязывающий стиль, социализирующий стиль и помогающий стиль. Динамика изменений воспитательно-социализирующих воздействий в обществе выражается в переходе от доминирующего властвующего положения взрослого с правом детоубийства и жестокого обращения с детьми в период Античности до допущения первоочередного права ребенка выдвигать и удовлетворять свои потребности, подчиняя взрослых своим интересам в настоящее время [4, с. 84–86]. Как отмечает Л. Демоз с опорой на данные исторической литературы, помогающий стиль позволяет воспитать людей с сильной волей, которые не поступают «как все», не склоняются перед авторитетами, иными словами, свободных в выборе занятий и личностной позиции.

Значимым вкладом в определение контуров будущего и механизмов его формирования является, безусловно, теория М. Мид о трех типах культуры: постфигуративной, где дети прежде всего учатся у своих предшественников, кофигуративной, где дети и взрослые учатся у сверстников, и префигуративной, где взрослые учатся также и у своих детей.

Постфигуративная культура отличается длительностью (протяженностью) внедрения и распространения новшеств в границах определенной территории, занимаемой сообществом, будущее детей и внуков неотлично от прошлого старшего поколения. Осведомленность о предстоящем будущем, уверенность в незыблемости мира покоится на надежном фундаменте знаний и опыта старшего поколения. Так как «прошлое взрослых оказывается будущим каждого нового поколения, а прожитое ими — это схема будущего для их детей» [5, с. 322], то возникает «чувство вневременности и всепобеждающего обычая» [5, с. 327]. Это состояние можно метафорично охарактеризовать как «всегда и везде». Угроза же существованию незыблемым порядкам постфигуративных обществ исходит от детей, в которых могут проявляться непосредственность, одаренность, изобретательность и восприимчивость к новшествам. В силу этого молодое поколение, средства коммуникации и язык находятся под контролем взрослых.

Для данных сообществ характерна низкая или полностью отсутствующая пространственная и социальная мобильность. В случае их странствий по причине поиска новых ресурсов на свободных или заселенных территориях наблюдается порабощение другого сообщества, нередко с освоением культуры завоеванного народа [6, с. 41]. Данные перемещения становятся истоками формирования кофигуративной культуры.

Кофигуративная культура формируется в результате активной миграции и за счет передачи знаний и опыта внутри одного поколения, а новая среда жизни дезактуализирует модели жизнедеятельности культуры прошлого. Миграция и необходимость освоения нового опыта приводят к разграничениям в пространственно-временном измерении жизни и истории, осмысление которых формирует представления «здесь» и «там» (пространственные различия) и «сейчас» и «тогда» (временные различия), а также комбинации пространственно-временного осмысления собственного опыта. Коммуникации со сверстниками особенно обеспечивают успешную интеграцию в новую культуру. Следовательно, поколенческие «ножницы», разрезающие переплетения прошлого и настоящего, дефрагментируют саму культуру. В кофигуративной культуре опыт молодого поколения радикально отличен от опыта родителей и дедов, он вырабатывает новые образцы поведения, в которых сверстники оказываются лучшими наставниками. Происходит дифференциация по основаниям рождения в обществе или вне его, характеру адаптации и успешного освоения нового порядка, нового языка, обычаев, новой системы ценностей. Дополнительными, а со временем основными трансляторами и конструкторами нововведений становятся институты образования и массовой коммуникации. Своим видением будущего они задают определенные рамки изменениям — «изменения в пределах неизменного» [5, с. 359]. Данная особенность и преобразования, связанные с естественным взрослением, стабилизацией и укрупнением новшеств, сокращают срок существования кофигуративной культуры, создавая основу для возрождения постфигуративных аспектов культуры.

Расширение молодым поколением коммуникационного поля делает неизбежным дальнейшее развитие общества, усложнение его структур и функционирования, а также уплотнение этих изменений во временной перспективе. Будущее стремительно ускользает в настоящее, превращаясь в прошлое. Происходит перемещение акцентов на «здесь и сейчас», а «представления о миграции в пространстве (географической миграции) заменяются на новый образ — миграцию во времени» [5, с. 360]. Новые открытия, технологии, приборы, представления о новых источниках энергии, обострение проблем потребления и перераспределения, обладания ресурсами и информацией, усиление борьбы за социальные позиции — все это увеличивает информационную автономию и разрыв между поколениями. В связи с тем, что время, отводимое на освоение новшеств, сокращается, интенсивное обучение становится прерогативой индивидуумов с высоким уровнем чувствительности и мотивации к познанию и образовательной деятельности. Интенсивность мультикультурной коммуникации генерирует новые социальные практики общения, познавательной и трудовой деятельности в реальном мире, создает новые правила конструирования отношений в виртуальном пространстве, вырабатывает новые языки, универсально связывающие между собой иноязычных людей. Взрослым не принадлежит исключительное право проектирования жизненного пути детей, их опыт оказывается непригодным для практического применения.

Итог размышлений о сравнительных характеристиках постфигуративной, кофигуративной и префигуративной культур представлен в таблице.

Таблица. Характерные признаки постфигуративной, кофигуративной и префигуративной культур

Характеристики типа культуры	Постфигуративная культура	Кофигуративная культура	Префигуративная культура
Обобщенные (концептуальные) характеристики			
Определения типов культур, данные М. Мид	Дети прежде всего учатся у своих предшественников	Дети и взрослые учатся у сверстников	Взрослые учатся также у своих детей
Метафора хронотопа типа культуры	«Всегда и везде»	Комбинации из «здесь» / «там» и «сейчас» / «тогда»	«Здесь и сейчас»
Устремленность во времени	Доминирование прошлого над настоящим и будущим	Устойчивое настоящее между известным прошлым и понятным будущим	«Ускользание»* настоящего, вытесняемого надвигающимся будущим
Характеристики, обнаруживаемые в практике жизни общества			
Структурный компонент социальной практики	Обычай, традиция	Внедрение обновления	Иновация
Факторы динамики культур	Оседлость или коллективная географическая миграция	Индивидуальная географическая миграция	Виртуальная индивидуальная мобильность, в том числе во времени

Характеристики типа культуры	Постфигуративная культура	Кофигуративная культура	Префигуративная культура
Динамика языка	Язык как неизменяемая конструкция, контролируемая старшими	Межпоколенческая дефрагментация языка, многоязычие	Моделирование (изобретение) и модернизация языка молодыми
Основания социального структурирования общества	Возрастная дифференциация	Дифференциация по успешности освоения новых знаний, условий жизни, адаптации	Информационная дифференциация
Социализирующая среда и институты	Быт, повседневность и институт образования	Институт образования и СМИ	Познание и образование посредством интернет-СМИ и интернет-технологий

* Эпитет, заимствованный у Э. Гидденса (*Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь*. М.: Весь Мир, 2004).

Составлено по: авторские данные.

Очевидно, что префигуративные аспекты жизни актуальны в периоды интенсивных изменений, когда происходит массовое внедрение экономически привлекательных (на первый взгляд) новшеств, обеспечивающих успешную конкуренцию в обществе. Так как они проникают в общество постепенно, на первых порах единично, а далее, с приобретением популярности, распространяются на большие пространства, вовлекая все большее количество людей с разной степенью мобильности, образования, социальной активности, то в обществе могут одновременно сосуществовать пост-, ко- и префигуративные типы культуры. Освоение и опривычивание применения новшеств приводят к расширению сфер влияния ко- и постфигуративных аспектов социального взаимодействия. Предсказуемость будущего как условие стабильности становится свидетельством укрепления постфигуративной культуры.

Будущее конструирует детство

Одним из ориентиров формирования личности ребенка в обществах на этапах стабильного развития выступают модели взрослого и зрелости. Эти наблюдаемые образцы являются исходными данными для построения паттернов детства: его возрастного периода, определения социального статуса и социальной роли ребенка, деятельности, соответствующей возрасту, правил межпоколенной коммуникации, критериев зрелости и т. п. Б. Д. Эльконин отмечает: «Образ зрелости, образ совершенного (идеального) взрослого является единственным способом и опорой представления детьми их будущего» [7, с. 9]. И, как указывает L. Alanen (Л. М. Аланен), детство может быть понято в контексте теории пересечений (интерсекциональности), где одной из пересекающихся линий считается зрелость как противоположная детству категория [8]. Однако по причине интенсивных изме-

нений современная эпоха не может предложить константный образец взрослости и модель будущего.

В социологии детства префигуративная специфика современного общества нашла отражение в концепции социального конструирования детства, детально проработанной в российской части социологических исследований детства С. Н. Майоровой-Щегловой [9, с. 173]. Согласно концепции социального конструирования, детство является конструкцией, создаваемой социумом. Ребенок выступает социальным субъектом, активным участником социальной жизни. Многообразии социальной реальности, условий социализации и самореализации создает разные «формы детства» [10, с. 47]. Социально сконструированное детство является контекстуальной интерпретацией раннего этапа жизни человека, обусловленной социальными переменными — общественными и культурными убеждениями, классовой, этнической, религиозной принадлежностью и т. п. [11].

Приобретение детьми автономного правового и социального статуса в совокупности с политическим вниманием к проблемам детства сформировали в конце XX в. новый научный подход к детям и детству, вышедший далеко за пределы привычного детоцентризма. Если в XX в. детоцентризм, в том числе в рамках психологии Л. Демоза и теории исчезновения детства Н. Постмана [4; 12], понимался как направление усилий взрослых в интересах детей, создание им комфортной детской жизни, но непременно согласно представлениям взрослых, то во второй половине XX в. зародились представления о том, что детство — это не подготовительный этап к взрослой жизни, а полноценный, требующий расширения возможностей и снятия ограничений в реализации права на самовыражение период. Данный подход в последнее время получил наименование «новая социология детства». Согласно мнению одного из основателей этого направления J. Qvortrup (Й. Квортруп), целью таких исследований является детство, а не ребенок (что важно для дифференциации социологии детства от психологии или педагогики), «само детство развивается как структурная форма более или менее независимо от самих детей и рассуждать о нем возможно лишь в определенном дискурсе». Поэтому ученый справедливо считает, что «детство конструируется рядом социальных факторов, экономических интересов, технологических факторов, культурных явлений и т. д.» [13, с. 1–4].

Методологическим следствием развития данного направления явилось возникновение так называемого «участвующего подхода», смысл которого — «вовлечь детей в исследования в качестве участников или даже соисследователей и наделить их правом таким образом влиять на эффективные действия с целью улучшить положение детей» [14, с. 21]. Не углубляясь в анализ инновационности «новой социологии детства» и «участвующего подхода», хотелось бы отметить, что сам по себе такой методологический принцип научного исследования, как получение информации из уст первоисточника, т. е. от детей, с предоставлением права быть услышанными, а следовательно, и возможности их партисипации в формировании пространства жизнедеятельности и общественной жизни, является ценным и свидетельствует о присутствии префигуративных компонентов в современном мире. Префигуративность, таким образом, выражает себя в наделении ребенка ролью деятельного участника и соконструктора событий социальной реальности. Поэтому правомерен вывод Sultana Ali Norozi (Салтана Али Норози) и Torill Moen (То-

рилл Моэн) о том, что, во-первых, дети воспринимаются иначе, чем взрослые, и, во-вторых, взрослые должны понимать и принимать детские практики [11, с. 79].

Примером могут служить исследования группы латиноамериканских ученых, которые в повседневных практиках детей («игривого присутствия», «просто болтаться» или самостоятельной организации скейтпарков в городских пространствах) обнаружили предъявление детьми «права на город» и префигуративный диалог по перепрофилированию или адаптации общественных территорий под детские потребности [15]. Другая современная практика привлечения к уходу и воспитанию детей — практика внесемейных институтов — рассматривается М. Narodowski (М. Народовски) и С. Snaider (С. Снайдером) сквозь призму префигуративности и оценивается учеными как прекращение родительской жертвенности, которая наблюдалась в постфигуративном и кофигуративном типах культур. В этих культурах пристальный контроль за воспитательно-образовательным процессом вместе с ответственностью за его результаты порождал обязывающий контекст, сопровождаемый самоограничениями и жертвенностью со стороны старшего поколения. В префигуративной же культуре ответственность, как и жертвенность, в случае неудачной социализации перекадываются на плечи младшего поколения, обладающего правом выбирать и принимать решения [16].

Следовательно, динамика изменений в мире динамично трансформирует постфигуративность в префигуративность, меняя взрослых и детей ролями ведущих и ведомых. Детство, как и взрослость, интегрировано в информационно-технологические новшества. Глобализация выступает одним из доминирующих факторов трансформации современного социума и детства. По мнению К. Н. Поливановой, стремительное развитие технологий делает мир «меньше»: скорости коммуникаций, как виртуальных, так и реальных, растут, традиционные практики воспитания и обучения деформируются, делая их непредсказуемо многообразными [17]. Поэтому в современном обществе, вовлеченном в общемировые тенденции, дети сами проектируют себя и мир. Благодаря признанию и расширению прав ребенка и развитию потребительского рынка детских товаров и услуг дети самостоятельно задают параметры собственной жизни, намечают контуры будущего, завоевывают право и роль самим быть конструкторами будущего своего и общества.

Таким образом, динамика социальных изменений, к которым наиболее восприимчиво детство, четче очерчивает контуры различий в дихотомических единствах «старые/молодые», «детство/взрослость» и создает основания для зарождения абриса поколений. Образы поколений представляют собой квинтэссенцию инаковости, которая возникает как кумулятивный итог достижений предыдущих поколений и перспектив развития. Выделим характеристики «поколения Z» как наиболее близкого по возрасту к современным детям и вовлеченного в моделирование префигуративных характеристик общества.

Специфика поколений

В настоящее время популярно обсуждение проблем поколений с использованием условных обозначений: X, Y, Z. Интерес вызван тем, что на текущий момент все три находятся в «активе» общества. Согласно мнению российских исследователей, «поколение X» родилось в 1968–1981 гг., «поколение Y» (миллиа-

лы) — в 1982–2000 гг., «поколение Z» (центениалы) — после 2001 г. [18, с. 18]. Но, по мнению американских исследователей, «поколение Z» начало рождаться с 1995 г. Именно представители этого поколения в настоящее время вступают во взрослую жизнь, реализуя себя в профессиональной деятельности. Всего в мире представителей «поколения Z», родившихся с 1995 по 2012 г., 72 млн [19, с. 31]. По данным Росстата, в 2018 г. в России лиц в возрасте от 0 до 24 лет (т. е. наиболее старшие из них родились в 1995 г.) — 39 970 000 чел., или 27 % от всего населения страны [20].

По мнению американских ученых, участвовавших в общественном форсайт-проекте «Детство-2030» (2014)¹, в исследованиях, инициированных экспертами консалтинговой компании «McKinsey & Company» [21], для представителей «поколения Z» характерно экономически ориентированное поведение. В них присутствует дух предпринимательства, причем это не только предпринимательство ради получения прибыли, но и бескорыстное волонтерство. Им интересны новые знания сугубо прикладного характера. Знания, бесполезные практически, игнорируются, «стираются» ими из памяти. Вовлеченные в глобальные сети, они обеспокоены глобальными проблемами и мыслят в пространственных масштабах, отвлеченно от ситуации и определенной локации. Взаимодействие в Сети генерирует новые символы и языки [22]. Д. Стиллман выделяет семь ключевых особенностей «поколения Z»: погруженность в цифровой мир, высокая степень персонализации, прагматичность и практичность, синдром упущенной выгоды (страх упустить что-то важное), участие в виртуальной экономике, уверенность в способности все сделать самостоятельно, мотивированность на успех [19, с. 21–23].

Иные представления о «поколении Z» имеются у российских исследователей. Так, в 2017 г. Л. Паутова, реализовывавшая в «нулевые» годы XXI в. научный проект ФОМ «Новое поколение», обозначает представителей поколения, родившегося в начале века, созерцателями, или «поколением дзен» [23]. «Среди них гораздо выше доля тех, для кого важны саморазвитие, самореализация, путешествия. Они готовы отказаться от высокого заработка, если работа слишком напрягает и мешает личностному росту и комфортному наблюдению за жизнью». Благодаря этому современные города наполнились кофейнями и лежанием на газоне с компьютером. Для них характерны активное участие в волонтерстве, благотворительности, проявление социальной отзывчивости и использование для усиления резонанса событий всех возможных социальных сетей. Склонность к созерцательности не позволяет в молодежной среде сформироваться кумирам, которые диктовали бы доминирующую модель поведения. Они сами стремятся выделиться.

В 2018 г. эксперт «Левада-Центра» Д. Волков представил следующие характеристики «путинскому поколению» (он также ушел от западного ярлыка, указывая на специфику российского социокультурного контекста формирования поколения) [24]. Это положительно настроенное поколение, которое благодаря поддержке своих родителей уверенно смотрит в будущее. Перемены менее желательны для поколения, воспитывавшегося в период власти одного президента, так как в этом нет необходимости. Главное пожелание — это большее количество рабочих мест. Ра-

¹ Общественный форсайт-проект «Детство-2030», инициированный Общественной палатой РФ и благотворительным фондом «Мое поколение». URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1478632>; <https://ru.wikipedia.org/wiki/Детство-2030> (дата обращения: 21.05.2019).

бота выступает залогом стабильности и возможности для удовлетворения потребностей. Модель потребления у них сформирована благодаря активным туристическим и образовательным поездкам, исключаящим дискомфорт, родительским инвестициям и символическому предпочтению: «айфон важнее ракеты».

Таким образом, наблюдения за «поколением Z» позволяют выделить ряд характеристик, среди которых наиболее очевидными являются детерминированность от общего хронотопного расположения в канве государственного устройства и культурной специфики социума, а также зависимость от интенсивности коммуникаций и технологического перевооружения. В российских же реалиях эти различия увеличиваются из-за неравномерности территориального и технологического развития. Повседневность современного обывателя погружается в индустрию 4.0, интерфейс которой выражается в повсеместности цифровых технологий, искусственного интеллекта, миниатюризации и мобильности производственных и сервисных устройств, в повышении конкуренции, увеличении скорости принятия решений. «Умные технологии» создают «умные города», которые, в свою очередь, требуют «умных жителей». Эти особенности взаимосвязаны, поэтому либерально-демократические ценности в обществе имеют благоприятные условия для их возвращения и культивирования в государствах, где внутренние и внешние каналы коммуникации настроены на диалог и сотрудничество, на создание знаний и заимствование информации, способствующей развитию и обновлению, что, в свою очередь, свидетельствует о проникновении префигурации в жизнь современных поколений.

Префигуративные аспекты современного детства

Какие особенности жизненного мира современных детей информируют нас о присутствии префигуративности в обществе и создании в настоящем модели общества будущего? Предпримем попытку их обнаружения в повседневности современных детей — в социальных практиках, коммуникациях, которые преобразуются в обновленной социализирующей среде, в условиях воздействия новых технологических и дифференцирующих факторов.

В первую очередь становятся очевидными *изменения в основных видах деятельности детей* — в общении, игре, учении. Согласно мнению психологов, в каждом возрасте существует ведущий вид деятельности, который выступает локомотивом психологического и личностного развития человека. Общение является главным фактором развития детей в начале жизненного пути и по мере взросления ребенка становится сопровождающим другие виды деятельности компонентом. Но именно общение, игра и учение испытывают существенные изменения. Нередко молодые родители уверены, что успешное развитие ребенка возможно при условии раннего, опережающего знакомства с современными электронными устройствами. Производители оперативно откликаются на подобные представления и запросы потребителя, поэтому в настоящее время активно осваивается сегмент электронных игрушек для младенцев 3–4 мес. или, к примеру, суррогатов материнского присмотра — видеонянь [25]. По информации экспертов «Лаборатории Касперского», самый распространенный возраст знакомства детей с электронными устройствами — три года [26]. Дальнейшее взросление ребенка, по данным исследователей NPD Group, сопровождается еще бóльшим проникновением его в электронный мир «за экра-

ном» и многообразных электронных устройств в его жизнь. 31 % детей в возрасте от 7 до 15 лет выбирают игрушки самостоятельно, при этом предпочтение отдается гаджетам и роботизированным игрушкам [27]. По результатам изучения потребительского рынка французским телекоммуникационным регулятором ARCEP, в 2016 г. смартфон был более чем у 90 % подростков в возрасте от 12 до 17 лет [28]. В общении и игре в новом электронно-цифровом формате исчезает обязательное прежде условие — наличие другого субъекта, непосредственный контакт с человеком. В обучении, в том числе школьном, соответствующем современному легитимизированному периоду детства, также наблюдается расширение использования электронных и интернет-технологий. Так, по данным Школы образования Американского университета (Вашингтон), в 2014 г. учащиеся школ составляли 17 % от всего населения мира и являлись потенциальными потребителями новых технологий в школе, а Россия в 2018 г. пополнила тройку лидеров в признании школьного образования самым инновационным в мире. В отечественных школах обнаружился высокий уровень оснащения компьютерной техникой [29]. Информационно-коммуникационный тренд в России проявил себя в буме детских курсов по обучению программированию. По мнению специалистов-практиков, оптимальный возраст для обучения — 8–9 лет, но есть прицел и на дошкольный период: уже сейчас детей с 4 лет учат простейшим языкам программирования и разработке игр [30; 31]. Последний тезис иллюстрирует ситуация, когда дети из участников игр становятся их создателями и режиссерами, а игра теряет свою развивающую миссию и преобразуется в товар. Попутно необходимо отметить такую особенность современного детства, проектирующуюся на старшие периоды жизни, как недостаток общения и коллективной игровой деятельности детей, замещение их погружением в гаджеты, что в личном будущем делает востребованными геймификацию обучения и работы, использование игровых тренингов с целью выработки взаимопонимания и согласованных действий коллектива.

Легкая восприимчивость детей к освоению и использованию электронно-цифровых новинок и технологий объясняется в том числе их возрастными особенностями, среди которых наблюдаются пластичность нервной системы и скорость проведения нервных сигналов, характерные для детства и угасающие с возрастом. Поэтому в детстве возможны быстрая обработка и фиксация информация и формирование образов [32], что позволяет достаточно легко, без дополнительных усилий осваивать новшество, переводя его в категорию обыденности.

Другим аспектом современного детства, моделирующим общество будущего, является *возникновение социально-дифференцирующих характеристик по вовлеченности детей в новую социокультурную реальность — «мир цифры»*. Внедрение электронно-цифровых новинок в мир детства происходит неодинаково. Выражается это в том, что одна часть детей приобретает новый интерес, перерастающий в серьезное увлечение и, может быть, профессию, а другая продолжает оставаться в статусе обычных пользователей, не выходящих дальше социальных сетей и зачастую не обладающих глубокой компьютерной грамотностью. Формируется категория детей (а в последующем — взрослых), попадающих в зависимость от сенсорного экрана. Как свидетельствуют исследования ученых Массачусетского технологического университета, занятия программированием развивают умственные способности незначительно, но пробуждают интерес к математике, увеличивают

словарный запас детей, способствуют их социальному и эмоциональному развитию [30]. Однако для подавляющего большинства пользователей нередко овладение цифровыми технологиями ограничивается маркированием и самопрезентацией в разнообразных социальных сетях или использованием образовательных программ «цифровой школы». По оценке британской неправительственной организации «Internet Matters», 13 % детей и подростков в возрасте от 11 до 16 лет ведут собственный канал или блог, более трети загружают видео на «YouTube» или другие платформы [28]. Характер активности и времени онлайн в соцсетях также социально дифференцирует детей и указывает, согласно результатам исследовательского лонгитюда «Траектории в образовании и профессии» ВШЭ, на уровень их интеллекта. Выяснилось, что школьники, предпочитающие интеллектуальный контент, опережают своих сверстников примерно на 79–88 баллов по шкале PISA² [33; 34].

Очевидно, что умение использовать электронные устройства, применять информационные технологии для решения специфических или профессиональных задач станет одним из средств социального отбора, в котором дети и взрослые принимают непроизвольное участие. Эти умения будут ранжировать людей по способностям, по профессиональной компетентности, по уровню самосознания и самоконтроля. Последняя характеристика проявляет себя в формировании зависимости от Интернета и социальных сетей, посредством которых состояние удовольствия достигается простым и быстрым способом — движением пальца по экрану и серфингом по виртуальной реальности с заглядыванием в потаенные уголки и миры других людей. Как отмечает Д. О. Королева, благодаря активному использованию социальных сетей постоянная проверка новостей и сообщений является новым, свойственным подростковой повседневности ритуалом, который формируется вследствие компенсации скуки «перемещением» в виртуальное пространство [35, с. 55–56].

Следующей вытекающей из данного аспекта характеристикой является *интенсивность коммуникаций за счет сокращения непосредственного межличностного контакта между детьми* на фоне увеличения времени нахождения в электронно-цифровом контенте — в работе или учебе за компьютером, в смартфонах, планшетах, игровых гаджетах. Длительное общение с гаджетом становится признаком людей с низким уровнем достатка, а сохранение и обеспечение личного взаимодействия в учебе, работе, жизни — признаком статусности. По результатам исследования организации «Common Sense Media», подростки из семей с высоким доходом проводят около 5 ч 42 мин в день за компьютером (смартфоном и т. п.), а подростки из низкодоходных семей смотрят в их экраны 8 ч 7 мин в день. На Западе формируется новая тенденция школьного обучения *tech-free* — целенаправленный отказ от использования технологий в пользу личного общения, творческого и практического обучения. С экономической точки зрения такое «человеческое» обучение уже имеет ограничения в доступе представителям из низкодоходных слоев [36; 37]. Кроме того, жизнь в цифровом формате является одной из причин одиночества,

² PISA (Programme for International Student Assessment) — международная программа по оценке образовательных достижений учащихся; тест, оценивающий грамотность школьников в разных странах мира и умение применять знания на практике. Проходит раз в три года. В России программа реализуется Федеральным институтом оценки качества образования. Источник: официальный сайт ФИОКО. URL: <https://fiooco.ru/pisa> (дата обращения: 21.05.2019).

поэтому закономерно, что в наибольшей степени одинокими ощущают себя молодые люди, являющиеся основными пользователями электронно-цифровых технологий. Привычивание одиночества противоречит основам существования и благополучного развития общества, имеет пагубные последствия для социально-психологического самочувствия людей и экономики. Не признавая пока одиночество в качестве экономической категории, а рассматривая его как возможный предвестник депрессии, исследователи все-таки установили связь между ощущением собственного одиночества и экономическим положением респондентов. Так, согласно результатам исследования Росстата 2019 г., почти половина россиян, считающих, что они зарабатывают недостаточно, испытывают одиночество. 47 % участников опроса, отнесших себя к группе с низкими доходами, 23,8 % респондентов со средним доходом и 16,7 % с высоким доходом сообщили, что чувствуют себя одинокими очень часто [38].

Нереализованная потребность в личном и персонифицированном общении и, следовательно, в определении референтной группы и самоидентичности, в построении взаимопонимания посредством выражения разделяемых с окружающими эмоций выразилась в формировании такой особенности современного детства, как *возникновение новых визуальных компонентов коммуникации, заменяющих язык и снимающих языковые барьеры*, — это эмодзи, мемы, лайки, гифки. Они стали маркерами перемен в социуме, их скорости и иногда комизма [39]. Лаконичность и иносказательность визуальных символов позволяют участникам коммуникации передавать отношение, переживание, мимику и жесты. Благодаря анимационной составляющей в сочетании с сокращением непосредственного контакта с социальным окружением эта модифицированная кодировка получила наибольшую популярность среди детей, подростков и молодежи как наиболее активной части пользователей социальных сетей. Так, согласно исследованиям, в 2012 г. 93 % детей от 10 до 17 лет пользовались Интернетом, тогда как в 1998 г. их число не превышало 20 %, в 2005 г. — 51,8 % [40, с. 11]. «Вербальные формы общения заменяются или дополняются невербальными формами: эмодзи (знаковая система пиктограмм, выражающих эмоции -:), :(, ;-D, :-* и т. п.), текстовые маркеры (выделенный шрифт, большие буквы и т. п.), возможность использования медиафайлов (картинки, музыка, видео), “like” — выражение заинтересованности, согласия, поощрения путем маркирования материала значком “мне нравится”, “share” — возможность участия, деления, копирования информации, публикации музыкальных отрывков и т. п.» [41, с. 79]. Краткость и сжатость сообщений в форме эмодзи, эмодзи, мемов и лайков, с одной стороны, укрепили обособленность социального пространства детей и молодежи от других участников социума, а с другой — подчеркнули атрибутивность «здесь и сейчас» современной социальной реальности [42]. Язык коммуникации современного пользователя в форме эмодзи, эмодзи, мемов и лайков актуализировал невербальные средства передачи информации, понятные в поликультурном поле социального пространства. Правда, и этот фактор несет в себе потенциал социальной дифференциации и иерархизации людей. Посредством этих визуальных кодов затруднительна, по крайней мере сегодня, передача сложноструктурированной информации, характеризующей окружающий мир с использованием абстрактных понятий и описательных определений, содержание сообщений редуцировано до трансляции телесных и личностных пережива-

ний и очевидно наблюдаемых фактов повседневности. Следовательно, с помощью новых компонентов коммуникации формируется новый контент взаимодействия между участниками, сегментирующий социальное пространство.

Таким образом, в современном обществе обнаруживаются признаки префигуративного типа культуры. Дети, вступая в современный мир, погружаются в мир инноваций, которые для них уже являются неотъемлемым компонентом материального мира и социального взаимодействия. Оцифрованная виртуальная реальность становится для детей пространством познания и самореализации, позволяющим на время преодолеть расстояния, географические и культурные барьеры. Вовлеченность детей в динамику социальных изменений, приобретение ими роли созидателей свидетельствуют, что в современном обществе префигурация проявляет себя, а само изменение находится на изломе эпох. Абсолютизация значения электронно-информационных новшеств и их безальтернативность актуализируют заинтересованность в них и легкость освоения детьми. Однако это обстоятельство имеет потенциал деформации основы существования и нормального функционирования общества — непосредственного социального контакта, обеспечивающего взаимодействие и преодоление разобщенности и сегрегации. Ускоренная модернизация способствует дестабилизации общества и увеличивает вероятность деформаций воспроизводства и кризиса культуры [43, с. 47, 50, 51].

Заключение

Среди приведенных характеристик современных детей, представляющих «поколение Z», общими и наиболее специфичными являются те, которые возникают благодаря технологическим преобразованиям в социокультурной среде, те, которые изменяют атрибутивные характеристики эпохи. *Мир информационных технологий, как и новшества предыдущих эпох, обеспечивает информированность, алгоритмичность, доступность и скорость как характеристики социальных процессов и отношений.* На протяжении истории человечества именно эти характеристики выступали зависимыми переменными по отношению к новшествам, т. е. они были вторичными от внедрения инноваций. Но далее, в процессе распространения и использования новшеств, *информированность, алгоритмичность, доступность и скорость* трансформировались в управляющие факторы и стали задавать тон дальнейшим изменениям в мире человеческих отношений, в образе и качестве жизни. Например, изобретение колеса позволило людям облегчить процесс перемещения и перевозки каких-либо материальных объектов, что в последующем трансформировалось в активную мобильность населения — географическую и социальную. Появление телекоммуникационных средств в повседневности первоначально способствовало возможностям связи между людьми, находящимися на далеких расстояниях друг от друга. Но по прошествии времени эти коммуникационные возможности преобразовались в определяющий фактор оперативной передачи информации и развития многих отраслей экономики. Таким образом, именно технологические инновации находятся на гребне изменений и развития общества и оказываются в фокусе префигуративных аспектов в преимственности культур.

Так как информационно-коммуникационные технологии имеют непосредственное выражение в информированности, алгоритмичности, доступности

и скорости, они, соответственно, изменяют пространственно-временные характеристики социальной реальности. За счет *технологичности* процесса коммуникации возрастает событийность, *информированность* создает ситуацию многозадачности, сжатие сроков формирует *алгоритмичность* деятельности и жизни, упрощается *доступ* к удовлетворению потребностей и интересов, время как будто увеличивает *скорость течения*. Эти особенности жизни предстают в форме изменений для взрослых, но уже являются естественной опцией жизни для детей. Поэтому в качестве префигуративных компонентов выступают те, которые привычны детям, но новы или еще неизвестны взрослым. Если прежде взрослость задавала конструкт детства, то теперь детство задает конструкт взрослости. Сферы образования, здравоохранения, досуга и трудовой деятельности в своих содержательных характеристиках и инфраструктурных компонентах подстраиваются под потребителя, пользователя и сотрудника, как настоящего, так и перспективного. Дети «цифровой реальности» предпочитают поиск информации в одно касание на экране, нежели мониторинг многочисленных печатных изданий. Работа для них привлекательна, если она оснащена современными техническими устройствами и оперативно монетизируется за счет массивной рекламы в интернет-пространстве и проникновения на странички участников социальных сетей с большим количеством подписок, когда трудовые операции интегрированы в компьютерные программы. Новые технологии активно адаптируются под запросы человека. Удобства, сопровождающие их применение, делают их популярными и незаменимыми. В освоении новшеств по причине естественного любопытства дети опережают взрослых и оказываются в роли наставников в этих вопросах.

В дополнение к характеристикам обществ с префигуративными аспектами вслед за М. Мид хотелось бы отметить, что в данных культурах не умаляется значения взрослых по сравнению с детьми. Как отмечает L. Marszałek (Л. Маржалек), префигуративная культура приносит с собой и взрослым определенные шансы. Так как дети становятся учителями старших в мире медиа и современных технологий, постоянный контакт позволяет старшим поколениям вернуть естественную роль передачи традиционных ценностей и моделей взаимодействия [44]. Следовательно, между молодым поколением, занимающим флагманские позиции с точки зрения технологического развития, и старшим, обеспечивающим стабильность повседневного жизненного мира, возникают взаимовыгодные симбиотические отношения сотрудничества.

Благодаря активному внедрению инновационных технологий социальная роль ведущего, выполняемая младшим поколением, по мере взросления преобразуется в роль ведомого. Поэтому префигуративный тип культуры, который представляет собой один из этапов социальной эволюции, фракталоподобно обнаруживает себя и течение жизни человека, т.е. одного поколения. Динамичное изобретение новинок и быстрая их смена в повседневности провоцируют дезактуализацию еще вчера востребованного знания, а человек, не перешагнувший порога зрелости или даже молодости, в случае отсутствия инициативы уступает позиции знатока. Поэтому теория М. Мид обладает потенциалом изучения общества в целом в условиях перманентных изменений.

Автор выражает признательность рецензентам, проявившим искренний интерес к рукописи и высказавшим пожелания по ее улучшению.

Литература

1. Методология и методы социологических исследований / под ред. В. И. Дудиной, Е. Э. Смирновой. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2014. 388 с.
2. Добренков В. И., Кравченко А. И. Методы социологического исследования. М.: ИНФРА-М, 2008. 768 с.
3. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. М.: Республика, 1994. 447 с.
4. Демоз Л. Психоистория. Ростов н/Д.: Феникс, 2000. 512 с.
5. Мид М. Культура и мир детства. М.: Наука, 1988. 429 с.
6. Аттали Ж. Краткая история будущего. СПб.: Питер, 2014. 288 с.
7. Эльконин Б. Д. Кризис детства и основания проектирования форм детского развития // Вопросы психологии. 1992. № 3. С. 7–13. URL: <http://www.voppsy.ru/issues/1992/923/923007.htm> (дата обращения: 16.03.2019).
8. Аланен Л. М. Теория пересечений и другие вызовы теоретизирования детства // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 94–97.
9. Майорова-Щеглова С. Н. Трансформации детства в начале XXI в.: к уточнению концепции социального конструирования детства // Вестник РГГУ. Сер. «Философия. Социология. Искусствоведение». 2014. № 4 (126). С. 173–183.
10. Майорова-Щеглова С. Н., Колосова Е. А. Институционализация социологии детства в России // Детство XXI века в социогуманитарной перспективе: коллективная монография. М.: РОС, 2017. 203 с. 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). С. 36–57.
11. Sultana Ali Norozi, Torill Moen. Childhood as a Social Construction // Journal of Educational and Social Research. 2016. Vol. 6, no. 2. URL: <https://www.mcser.org/journal/index.php/jesr/article/view-File/9151/8837> (дата обращения: 18.03.2019).
12. Postman N. The Disappearance of Childhood. N. Y.: Vintage Books, a division of Random House, Inc., 1994.
13. Qvortrup J. Childhood and Societal Macrostructures: Childhood Exclusion by Default. Odense University. Department of Contemporary Cultural Studies, 1999. P. 1–4.
14. Колосова Е. А., Майорова-Щеглова С. Н., Митрофанова С. Ю. Новая социология детства // Детство XXI века в социогуманитарной перспективе: коллективная монография. М.: РОС, 2017. 203 с. 1 электрон. опт. диск (DVD-ROM). С. 18–23.
15. Carroll P., Calder-Dawe O., Witten K., Asiasiga L., De Backer M. A. Prefigurative Politics of Play in Public Places: Children Claim Their Democratic Right to the City Through Play // Space & Culture. 2019. Vol. 22, iss. 3. P. 294–307. doi: 10.1177/1206331218797546. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/1206331218797546?journalCode=saca> (дата обращения: 12.08.2019).
16. Narodowski M., Snaider C. Bebés en las escuelas? Infancias hiperescolarizadas en una cultura prefigurativa // Revista Latinoamericana de Ciencias Sociales, Niñez y Juventud. 2017. No. 15 (1). P. 45–57. doi: 10.11600/1692715x.1510121052016. URL: http://www.scielo.org.co/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S1692-715X2017000100002&lng=en&tlng=en (дата обращения: 12.08.2019).
17. Поливанова К. Н. Детство в меняющемся мире // Современная зарубежная психология. 2016. Т. 5, № 2. С. 5–10.
18. Радаев В. В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 15–33.
19. Стиллман Д. «Поколение Z» на работе. Как его понять и найти общий язык. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2018. 272 с.
20. Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (дата обращения: 10.04.2019).
21. Francis T., Hoefel F. ‘True Gen’: Generation Z and its implications for companies. McKinsey & Company. URL: <https://www.mckinsey.com/industries/consumer-packaged-goods/our-insights/true-gen-generation-z-and-its-implications-for-companies> (дата обращения: 12.08.2019).
22. Американские эксперты о «поколении Z». URL: <https://drive.google.com/file/d/0B1h6vSzJqNgXaFY3eFI3QVptajA/edit?usp=sharing> (дата обращения: 30.06.2014).
23. Новоселова Е. Карьеристов сменили созерцатели // Российская газета. 21.10.2017. URL: <https://rg.ru/2017/10/19/pautova-pokolenie-dzen-cenit-samorazvitie-i-puteshestviia.html> (дата обращения: 25.10.2017).
24. Волков Д. Кто они — люди «поколения Z»? // КоммерсантЪ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3778752?query=%D0%BF%D0%BE%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20zc> (дата обращения: 18.04.2019).

25. Кудрявцева Е. Человек неиграющий // Огонек. 2018. № 34. С. 26–29.
26. Черных А. Сети детям не игрушка // Коммерсантъ. 27.03.2019. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3924355?query=%D0%B4%D0%B5%D1%82%D0%B8> (дата обращения: 27.03.2019).
27. NPD Group. URL: <https://www.npd.com/wps/portal/npd/us/news/press-releases/russian-press-release-08-26-16/> (дата обращения: 27.03.2019).
28. Рождественская Я. Дети наполняют сети // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3718414?query=%D0%B4%D0%B5%D1%82%D0%B8> (дата обращения: 27.03.2019).
29. Филина О. Сплошные перемены // Огонек. 2019. № 14. С. 4.
30. Портнягина М. Цифра зовет // Огонек. 2018. № 40. С. 27–29.
31. Разница между виртуальной и реальной действительностью уже минимальна // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3778818?query=%D0%B4%D0%B5%D1%82%D0%B8> (дата обращения: 27.03.2019).
32. Vejan A. It's Spring Already? Physics Explains Why Time Flies as We Age // Pratt School of Engineering of Duke University. URL: <https://pratt.duke.edu/about/news/its-spring-already-physics-explains-why-time-flies-we-age> (дата обращения: 21.05.2019).
33. Корешникова Ю. Н., Захаров А. Б., Дудырев Ф. Ф. Различия общего образования в колледжах и старших классах школ // Вопросы образования. 2018. № 2. С. 228–253.
34. Успеваемость школьников способны раскрыть соцсети // Коммерсантъ. URL: https://www.kommersant.ru/doc/3714714?from=doc_vrez (дата обращения: 27.03.2019).
35. Королева Д. О. Исследование повседневности современных подростков: присутствие в социальных сетях как неотъемлемая составляющая общения // Электрон. журн. «Современная зарубежная психология». 2016. Т. 5, № 2. С. 55–61. doi: 10.17759/jmfp.2016050207. URL: https://ioe.hse.ru/data/2016/07/26/1119083090/jmfp%20_2015_n2_Koroleva.pdf (дата обращения: 21.05.2019).
36. Журенков К. Цифровое расслоение // Огонек. 2019. № 16. С. 4.
37. Common Sense Media. Сайт исследований цифрового мира. URL: <https://www.commonsensemedia.org/research> (дата обращения: 21.05.2019).
38. Росстат показал связь между бедностью и одиночеством. Информационное агентство РБК. URL: <https://www.rbc.ru/society/20/03/2019/5c91cfcf9a794777b44fed76> (дата обращения: 21.05.2019).
39. Журенков К. Мимика письма // Огонек. 2017. № 39. С. 4.
40. Цымбаленко С., Шариков А., Майорова-Щеглова С., Макеев П. Влияние Интернета на российских подростков и юношество в контексте развития российского информационного пространства. Результаты социологического исследования. М.: Лига юных журналистов, 2012. 99 с. URL: https://krcco.my1.ru/_ld/1/141_vliyanieinternetne.pdf (дата обращения: 21.05.2019).
41. Королева Д. О. Действительность современного детства: феномен социальных сетей // Практики развития: индивидуальные, корпоративные, институциональные свободы и ограничения: материалы XXI научно-практической конференции. Красноярск, 2015. С. 78–80.
42. Китова Е. Б. Общение в интернет-среде и универсальный язык эмодзи // Вопросы теории и практики журналистики. 2016. Т. 5, № 4. С. 654–664.
43. Зубок Ю. А., Чупров В. И. Социальная регуляция в условиях неопределенности. Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодежи. М.: Академия, 2008. 272 с.
44. Marszałek L. Re-constructing the dialogue of generations against the reality of prefigurative culture // Acta Universitatis Nicolai Copernici Pedagogika. 2017. Vol. 34. P. 73–88; 2392–1242; 0208–5313. doi: 10.12775/AUNC_PED.2017.015. URL: https://apcz.umk.pl/czasopisma/index.php/AUNC_PED/article/view/AUNC_PED.2017.015#? (дата обращения: 12.08.2019).

Статья поступила в редакцию 16 июля 2019 г.;
рекомендована в печать 9 сентября 2019 г.

Контактная информация:

Бесчасная Альбина Ахметовна — д-р социол. наук, проф.; aabes@inbox.ru

Research of modern childhood's prefigurative aspects

A. A. Beschasnaya

North-West Institute of Management — branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
57/43, Sredniy pr. V. O., St. Petersburg, 199178, Russian Federation

For citation: Beschasnaya A. A. Research of modern childhood's prefigurative aspects. *Vestnik of Saint Petersburg University. Sociology*, 2019, vol. 12, issue 4, pp. 297–316.
<https://doi.org/10.21638/spbu12.2019.401> (In Russian)

Today, changes are observed in all spheres of human life and society. It is possible to study the prospects of society in many aspects of its functioning — economic, political, social, cultural, technological, etc., using a different level of generalization. In addition to the directions of changes in society, it is necessary to take into account the specifics of the subjects involved in the implementation of changes. The role of children and the importance of attitudes towards children in shaping the future are reflected in a number of concepts. One such concept, on the three types of cultures, belongs to M. Mead. In the article the author makes an attempt to define the contours of modern childhood in the context of prefiguration. With this goal, an analytical review is conducted of the peculiarities of “Generation Z” and the life of modern children in the conditions of an updated socio-cultural environment. The research results and monitoring of modern children's lives served as an informational foundation for theoretical reflection. Children's perceptibility to acquiring and using electronic innovations and technology as well as their “optional” attribution in everyday life result in the appearance of prefigurative characteristics in modern society. They are expressed in the transformation of children's main activities, ahead of the development of the “digital world's” technological innovations, an unimpeded overcoming of spatio-temporal distances in virtual reality and the actualization of the current moment “here and now”; the expansion of the communication field, the removal of psychological and language barriers due to the mediation of relations and the creation of new communication tools, and the structuring of society on new grounds. Society's interest in innovation is expressed in the fact that information technologies, like other innovations of previous eras, provide awareness, algorithmic, accessibility and speed for the flow of social processes and relations.

Keywords: children, childhood, prefigurative culture, digital environment, information technologies, future.

References

1. *Methodology and methods of sociological research*. Ed. by V.I. Dudina, E.E. Smirnova. Saint-Petersburg, Izd-vo S.-Peterb. un-ta, 2014, 388 p. (In Russian)
2. Dobrenkov V.I., Kravchenko A.I. *Methods of sociological research*. Moscow, INFRA-M Publ., 2008. 768 p. (In Russian)
3. Fromm E. *Anatomy of human destructiveness*. Moscow, Republic Publ., 1994. 447 p. (In Russian)
4. Lloyd Demoz. *Psychohistory*. Rostov-on-Don, Phoenix Publ., 2000. 512 p. (In Russian)
5. Mead M. *Culture and the world of childhood*. Moscow, Science Publ., 1988. 429 p. (In Russian)
6. Attali J. *Brief history of the future*. Saint-Petersburg, Peter Publ., 2014. 288 p. (In Russian)
7. Elkonin B.D. The crisis of childhood and the basis for designing forms of child development. *Voprosy psikhologii*, 1992, no. 3, pp. 7–13. Available at: <http://www.voppsy.ru/issues/1992/923/923007.htm> (accessed: 16.03.2019). (In Russian)
8. Alanen L.M. ‘Intersectionality’ and other challenges to theorizing childhood. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2018, no. 3, pp. 94–97. (In Russian)
9. Mayorova-Scheglova S.N. Transformations of childhood at the beginning of the XXI century: to clarify the concept of social construction of childhood. *Vestnik RGGU. Seriya “Filosofia. Sotsiologiya. Iskusstvovedenie”*, 2014, no. № 4 (126), pp. 173–183. (In Russian)

10. Mayorova-Shcheglova S.N., Kolosova E.A. Institutionalization of the sociology of childhood in Russia. *Detstvo XXI veka v sotsiologomanitarnoi perspektive: kollektivnaia monografiia*. Moscow, ROS, 2017, 203 p., (DVD-ROM), pp. 36–57. (In Russian)
11. Sultana Ali Norozi, Torill Moen. Childhood as a Social Construction. *Journal of Educational and Social Research*, 2016, vol. 6, no. 2. Available at: <https://www.mcser.org/journal/index.php/jesr/article/viewFile/9151/8837> (accessed: 18.03.2019).
12. Postman N. *The Disappearance of Childhood*. N.Y., Vintage Books, a division of Random House, Inc., 1994.
13. Qvortrup J. *Childhood and Societal Macrostructures: Childhood Exclusion by Default*. Odense University. Department of Contemporary Cultural Studies, 1999, pp. 1–4.
14. Kolosova E. A., Mayorova-Shcheglova S. N., Mitrofanova S. Y. New sociology of childhood. *Detstvo XXI veka v sotsiologomanitarnoi perspektive: kollektivnaia monografiia*. Rus. ed. Moscow, ROS, 2017, 203 p., (DVD-ROM), pp. 18–23. (In Russian)
15. Carroll P., Calder-Dawe O., Witten K., Asiasiga L., De Backer M. A Prefigurative Politics of Play in Public Places: Children Claim Their Democratic Right to the City Through Play. *Space & Culture*, 2019, vol. 22, is. 3, pp. 294–307. doi: 10.1177/1206331218797546. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/1206331218797546?journalCode=saca> (accessed: 12.08.2019).
16. Narodowski M., Snaider C. Bebés en las escuelas? Infancias hiperescolarizadas en una cultura prefigurativa. *Revista Latinoamericana de Ciencias Sociales, Niñez y Juventud*, 2017, no. 15 (1), pp. 45–57. doi: 10.11600/1692715x.1510121052016. URL: http://www.scielo.org.co/scielo.php?script=sci_arttext&pid=S1692-715X2017000100002&lng=en&tlng=en (accessed: 12.08.2019).
17. Polivanova K.N. Childhood in a changing world. *Sovremennaia zarubezhnaia psikhologiya*, 2016, vol. 5, no. 2, pp. 55–10.
18. Radaev V.V. Millennials compared to previous generations: an empirical analysis. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 2018, no. 3, pp. 15–33. (In Russian)
19. Stillman D. *Gen Z @ Work: How the Generation Is Transforming the Workplace*. Moscow, Mann, Ivanov and Ferber Publ., 2018. 272 p. (In Russian)
20. Federal State Statistics Service. Available at: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/# (accessed: 10.04.2019). (In Russian)
21. Francis T., Hoefel F. *True Gen: Generation Z and its implications for companies*. McKinsey & Company. URL: <https://www.mckinsey.com/industries/consumer-packaged-goods/our-insights/true-generation-z-and-its-implications-for-companies> (accessed: 12.08.2019).
22. American experts on the “generation of Z”. Available at: <https://drive.google.com/file/d/0B1h6vSzJqNgXaFY3eF13QVptajA/edit?usp=sharing> (accessed: 30.06.2014) (In Russian)
23. Novoselova E. Karyaristov changed their contemplators. *Rossiyskaia gazeta*, 21.10.2017. Available at: <https://rg.ru/2017/10/19/pautova-pokolenie-dzen-cenit-samorazvitie-i-puteshestviia.html> (accessed: 21.10.2017) (In Russian)
24. Volkov D. *Who are the people of the Z generation?* Publishing house “Kommersant”. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3778752?query=%D0%BF%D0%BE%D0%BA%D0%BE%D0%BB%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D0%B5%20z> (accessed: 18.04.2019). (In Russian)
25. Kudryavtseva E. A non-playing man. *Ogonek*, 2018, no. 34, pp. 26–29. (In Russian)
26. Chernykh A. *Networks for children is not a toy*. Publishing house “Kommersant”. 27.03.2019. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3924355?query=%D0%B4%D0%B5%D1%82%D0%B8> (accessed: 27.03.2019). (In Russian)
27. NPD Group. Available at: <https://www.npd.com/wps/portal/npd/us/news/press-releases/english-press-release-08-26-16/> (accessed: 27.03.2019).
28. Rozhdestvenskaya Y.A. *Children fill the network*. Publishing house “Kommersant”. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3718414?query=%D0%B4%D0%B5%D1%82%D0%B8> (accessed: 27.03.2019). (In Russian)
29. Filina O. Continuous changes. *Ogonek*, 2019, no. 14, p. 4. (In Russian)
30. Portnyagina M. The figure calls. *Ogonek*, 2018, no. 40, pp. 27–29. (In Russian)
31. *The difference between virtual and real reality is already minimal*. Publishing house “Kommersant”. Available at: <https://www.kommersant.ru/doc/3778818?query=%D0%B4%D0%B5%D1%82%D0%B8> (accessed: 27.03.2019). (In Russian)
32. Bejan A. It's Spring Already? Physics Explains Why Time Flies As We Age. *Pratt School Of Engineering Of Duke University*. Available at: <https://pratt.duke.edu/about/news/its-spring-already-physics-explains-why-time-flies-we-age> (accessed: 21.05.2019).

33. Koreshnikova Yu. N., Zakharov A. B., Dudyrev F. F. Differences in general education in colleges and high schools. *Voprosy obrazovaniia*, 2018, no. 2, pp. 228–253. (In Russian)
34. *School performance is able to reveal social networks*. Publishing house “Kommersant”. Available at: https://www.kommersant.ru/doc/3714714?from=doc_vrez (accessed: 27.03.2019). (In Russian)
35. Koroleva D. O. Study of the everyday life of modern adolescents: presence in social networks as an integral part of communication. *Sovremennaia zarubezhnaia psikhologiya*, 2016, vol. 5, no. 2, pp. 55–61. doi: 10.17759/jmfp.2016050207 p. 55–56. Available at: https://ioe.hse.ru/data/2016/07/26/1119083090/jmfp%20_2015_n2_Koroleva.pdf (accessed: 21.05.2019). (In Russian)
36. Zhurenkov K. Digital bundle. *Ogonek*, 2019, no. 16, p. 4. (In Russian)
37. Common Sense Media. Digital world research site. Available at: <https://www.commonensemedia.org/research> (accessed: 21.05.2019).
38. Rosstat showed a link between poverty and loneliness. Information Agency RBC. Available at: <https://www.rbc.ru/society/20/03/2019/5c91cfcf9a794777b44fed76> (accessed: 21.05.2019). (In Russian)
39. Zhurenkov K. Facial Expressions of the letter. *Ogonek*, 2017, no. 39, p. 4. (In Russian)
40. Tymbalenko S., Sharikov A., Mayorova-Shcheglova S., Makeev P. *The Impact of the Internet on Russian adolescents and youth in the context of the development of the Russian information space. Results of sociological research*. Moscow, 2012. Available at: https://krcco.my1.ru/_ld/1/141_vliyanieinterne.pdf (accessed: 21.05.2019) (In Russian)
41. Koroleva D. O. The Reality of modern childhood: the phenomenon of social networks. *Praktiki razvitiia: individual'nye, korporativnye, institucional'nye svobody i ogranicheniia: materialy XXI nauchno-prakticheskoi konferencii*. Krasnoyarsk, 2015, pp. 78–80. (In Russian)
42. Kitova E. B. Communication in the Internet environment and “universal language” Emojis. *Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki*, 2016, vol. 5, no. 4, pp. 654–664. (In Russian)
43. Zubok U. A., Chuprov V. I. *Social regulation under conditions of uncertainty. Theoretical and applied problems in the study of young people*. Rus. Ed. Moscow, Academia, 2008. 272 p. (In Russian)
44. Marszałek L. Re-constructing the dialogue of generations against the reality of prefigurative culture. *Acta Universitatis Nicolai Copernici Pedagogika*, 2017, vol. 34, pp. 73–88; 2392–1242; 0208–5313. doi: 10.12775/AUNC_PED.2017.015.

Received: July 16, 2019

Accepted: September 9, 2019

Author's information:

Albina A. Beschasnaya — Dr.Sci. in Sociology, Professor; aabes@inbox.ru